Святилище

Автор:
Игорь Власов

Святилище

Игорь Геннадьевич Власов

Запретный Мир #5

Пока принцесса Клео со своим личным телохранителем Гунн-Терром пробираются сквозь кишащий свирепыми тварями Лес, посланники Судьи Хват и Вислоухий находят в Святилище Ушедших Богов смертоносное оружие. Судьба Великого Города повисает на волоске.

Читайте новые приключения Ника и его друзей!

Игорь Власов

Святилище

Глава 1

– Идет! Идет!! – Колп заметался между разгорающимися кострами.

Рон и здоровяк Валу даже не взглянули в его сторону. Охотники, держа в руках по копью, с напряжением вглядывались в темнеющую стену Леса. На их лицах, то и дело освещаемых всполохами разгорающегося пламени, читалась сосредоточенная решимость.

«Эти не отступят!» – удовлетворенно отметил про себя Гунн-Терр. О смерти бывалый воин не думал – альварам не пристало занимать себя подобными мыслями накануне сражения. Каждый из них с детства знал, что рано или поздно настанет миг решительной битвы, когда потребуется проявить все свое мастерство, но даже это не гарантирует выживания. Как ни парадоксально, оно не было самоцелью. Можно уцелеть, просто уклонившись от боя, и в ряде случаев это вполне допустимо, если не идет вразрез с убеждениями воина. Ни один альвар не станет безрассудно кидаться на превосходящего числом противника только для демонстрации доблести. Степнякам, например, это могло бы показаться отвагой, но только не альварам. Они прекрасно понимали разницу между глупой бравадой и воинским искусством. Пасть на поле сражения, показав все, на что способен, – честь. Погибнуть, не сумев рассчитать силы в бессмысленной схватке, – равносильно трусливому бегству. Это несмываемый позор.

Единственное, о чем задумывался Гунн-Терр – безопасность Клео. Да и то, только до того момента, пока он сам способен держать в руках оружие. Когда судьбе будет угодно отпустить душу, разлучив ее с телом, альвар освобождался от любых клятв верности, как личных, так и своего народа в целом. Глупо заглядывать в будущее, в котором ты уже ничего не сможешь изменить.

Странный ритуал, в который втянул его подопечную старый отверженец, беспокоил Гунн-Терра едва ли не больше, чем приближающиеся орды лесных тварей. Происходило что-то недоступное пониманию альвара, ведь Клео вроде бы никуда не делась, как и остальные участники Круга, но даже слепому было ясно: они сейчас очень далеко отсюда. Чуть ли не впервые телохранитель дочери Верховного оказался в ситуации, когда не мог с уверенностью сказать, угрожает что-либо его подопечной, или нет. Гунн-Терр не заметил, как тяжело вздохнул – правду говорят, хуже неопределенности нет ничего.

От тягостных раздумий отвлек резкий, предупреждающий об опасности окрик. Первые твари уже показались между деревьями и успели пересечь зыбкую, колеблющуюся границу тени и света от костров. Их пламя не могло рассеять тьму до самых вершин исполинских деревьев, но и зеленоватого свечения Доминии хватало, чтобы заметить мелких проворных существ, снующих по ветвям. Казалось, Лес согнал сюда всю живность с ближайшей округи, желая стереть в порошок людишек, дерзнувших к нему обратиться. Еще не успело смолкнуть эхо от древнего боевого клича альваров, как поляна оказалась в плотном кольце окружения. Не стоило сомневаться, что любая пущенная наугад

стрела нашла бы цель, но Гунн-Терр не привык действовать наобум. Одно из правил военного искусства его народа гласило: если врагов слишком много, каждая стрела становится золотой.

– Не атакуйте первыми! – послышался возглас Колпа, словно услышавшего мысли Гунн-Терра. – Тяните время. Скоро Лес начнет испытывать тех, кто составил Круг! Нельзя дать тварям добраться до них!! Рон, Валу! Медленно отступайте ближе к Шептуну, Ситу и девушке. Альвар, гляди поверх пламени от костров! Чую, твари полезут сверху, сбивай на подлете. Ни одна не должна прорваться в Круг, пока длится испытание! Все поняли свою задачу?

Принять или не принять чье-то командование в бою – каждый решает самостоятельно. Когда человек сражается в одиночку, он сам себе начальник, и никто не вправе распоряжаться его судьбой. Признать за боевым товарищем право командования – знак высшего доверия, которое только возможно среди воинов. Приказы для того и существуют, чтобы исполнять, не раздумывая, – от этого зависит исход сражения. Если оценивать каждое слово командира, прежде чем действовать, промедление погубит отряд. Гунн-Терр ничего не понимал в таинственном ритуале Круга, но остальные указания Колпа не противоречили правилам воинского искусства. Отступить от края поляны к ее центру, значит, сократить сектора обороны для каждого из бойцов. В случае с многократно превосходящими силами противника, это была лучшая тактика.

Охотники почти синхронно шагнули назад и, не опуская копий, стали медленно отступать. Альвар поднял вверх руку с зажатой в кулаке стрелой, показывая, что готов защищать поляну с воздуха. Расход стрел будет огромный, и работать следовало так, чтобы одним выстрелом поражать по две-три цели. Гунн-Терр пока не знал, на что способен противник, и в какой момент начнется штурм. Глазами бесчисленных тварей Лес будто вглядывался в приготовившихся к обороне людей, словно оценивал, насколько крепки духом защитники Круга. В действиях тварей просматривалась явная закономерность, и это не было похоже на поведение охотящихся зверей. В противном случае нападение произошло бы незамедлительно, и никто не позволил бы людям провести перегруппировку. Впрочем, пожелай противник атаковать всеми силами, это уже не сыграло бы никакой роли.

Стремительные тени метнулись с вершин деревьев, планируя прямо в центр Круга. Альвар заметил их даже раньше Колпа, и когда раздался предостерегающий крик Следопыта, Гунн-Терр уже натягивал тетиву. Ему

раньше не приходилось видеть подобных тварей, похоже, умевших увеличивать дальность прыжка, растопыривая конечности. Кожистые складки на туловище помогали существам преодолевать значительные расстояния, не прилагая особенных усилий. Издали эти создания казались даже забавными, пока не приблизились достаточно, чтобы люди увидели длинные острые когти на лапах. Альвар сначала присел, выцеливая нападавших, а затем перекатился через плечо и вовсе улегся на спину в ногах у Клео. С новой позиции он посылал в воздух один метательный снаряд за другим, пробивая за раз по нескольку звериных тушек. Правило «золотой стрелы» требовалось выполнять неукоснительно.

Гунн-Терр не заметил, в какой момент вступили в бой другие защитники Круга. О том, что сражение закипело и на земле, свидетельствовали хриплые и отрывистые возгласы Рона и Валу, хруст тел, пробиваемых насквозь короткими копьями охотников, ругательства доносившиеся между щелчками его тетивы по рукавице. Колп, стоял в полный рост, прикрыв глаза и мерно раскачивался из стороны в сторону. Альвару показалось, что тот что-то бормочет себе под нос. «Сошел с ума!» – мелькнула на мгновение мысль, но тут же ушла далеко в подсознание. Гунн-Терр отбросил ее как ненужное. Его тело действовало всецело на рефлексах, отточенных годами тренировок и дюжинами боевых схваток. То, что это не люди, а лесные твари, для него не имело ни малейшего значения. Враг должен умереть!

Существа, порожденные Лесом, умирали молча, не издавая ни единого звука. Отчего происходящее навевало мысли о дурном сне, где врагам нет числа, но и боеприпасы тоже нескончаемы. То, что на реальность это не распространяется, альвар понял довольно быстро, стоило ощутить под правой рукой всего несколько стрел. Запас испарился, как и не бывало, а когтистые твари продолжали планировать с вершин деревьев. Гунн-Терр попытался собирать стрелы, выдергивая из ближайших поверженных существ, но и этого оказалось недостаточно.

Отбросив в сторону ставший бесполезным лук, альвар выдернул из костра увесистую головешку. Воин может иметь любимое оружие, с которым управляется лучше всего, но не должен пренебрегать любым подходящим для ведения боя предметом. Ловко орудуя тлеющей головешкой, как дубиной, Гунн-Терр старался сбивать нападавших налету, чье хрупкое телосложение не позволяло благополучно пережить даже один единственный удар. Пришлось, правда, подпустить врагов ближе, зато разлетались они далеко за пределы

Круга. Краем глаза Гунн-Терр следил, с кем сражались его боевые товарищи. Лес послал в атаку не самых крупных и опасных созданий, не обладавших безусловно смертоносными клыками и когтями, хотя суммарное количество тварей вполне компенсировало недостаток вооруженности.

Охотникам все труднее становилось удерживать оборону. Взамен десятков убитых тварей на поляну из темноты выскакивали все новые и новые особи. Валу заметно прихрамывал на правую ногу. Лицо Рона было залито кровью, он то и дело смахивал ее рукавом, но она все продолжала натекать на глаза, мешая прицельно разить копьем.

Серый с удивительным проворством метался среди людей и наседающих на них врагов, отвлекая их на себя. Смышленый зверь молниеносно нападал и также молниеносно отскакивал в сторону, при этом умудряясь наносить противнику глубокие раны острыми, как бритва клыками.

Гунн-Терр покосился на все еще раскачивающегося из стороны в сторону Колпа. Тот, вытянув вперед руки, делал какие-то замысловатые пассы. Странно, но пока ни одна из летающих тварей до него так и не добралась. Напротив, многие, не долетев до Следопыта и нескольких шагов, вдруг резко меняли траекторию, садились на землю и, неуклюже переваливаясь, на когтистых лапах ковыляли прочь, словно утратив интерес к происходящему.

Вдруг что-то неуловимо изменилось. По кронам исполинских деревьев будто пробежал сильный порыв ветра. Где-то в темнеющей глубине чащи раздался пронзительный трубный вой. Его тут же подхватили тысячи многоголосий. Людей пробрало до самых костей. Казалось, что это завыл сам Лес.

– Испытание! – голос Следопыта сорвался на всхлип. Он жестом указал на лежавших в Круге людей. Их тела била крупная дрожь, казалось, пальцы на трясущихся от напряжения руках вот-вот разожмутся. Гунн-Терр оглянулся. Лица друзей посерели, под стать земле, на которой те лежали. Если бы не озноб, то и дело сотрясающий их тела, и выступивший на лицах пот, можно было подумать, что они безвозвратно мертвы. Колп усилием воли сумел взять себя в руки: – Не зевать! Сейчас начнется!

«Так это была только разминка? – Гунн-Терр тяжело облокотился на свою импровизированную дубину. – Если натиск еще хоть немного усилится, нас

сметут за считанные мгновения».

Словно отвечая на его не высказанную вслух мысль, по кронам ближайших деревьев пробежала волна, а в следующее мгновение на поляну из темных зарослей стали выпрыгивать десятки быстрых теней. Друзья переглянулись. Рон, поддерживая под руку сильно хромающего Валу, отступил ближе к Кругу. Через секунду люди и твари, все смешались в один смертельный хоровод.

* * *

Глаза… глаза… глаза… Они были кругом, и невозможно спрятаться от этих взглядов. Любопытствующих, ожидающих чего-то, временами сердитых и требовательных. Сейчас он чувствовал себя товаром на ярмарочной площади, который разглядывают сотни покупателей, оценивая, насколько хороша предложенная продавцом вещь.

Казалось, колеблющееся марево состояло только из чьих-то внимательных глаз. Некоторые исчезали, оставляя после себя черные провалы, но на их месте тут же возникали новые. Человек не понимал, где находится, тщетно пытался отыскать хоть что-то знакомое в этом странном месте. Кто-то пристально изучал его, рассматривая со всех сторон, будто ребенок, держащий в руках пойманную древесную многоножку. Где-то в глубине сознания шевельнулся страх. Обычно дети ловят безобидных многоножек не для того, чтобы причинить им вред, а чтобы полюбоваться многоцветным, быстро пульсирующим мерцанием их маленьких телец в темноте. Бывает, что случайно ломают, или даже отрывают ножки. Не потому, что злые или дурно воспитаны. Просто так получилось…

Человек не чувствовал себя пленником, но догадывался, что свободно перемещаться здесь не сможет. Дело даже не в отсутствии ощущения верха и низа, постепенно пришло понимание, что его просто так не отпустят. Человеку показалось, что он вновь может ощущать свое тело. Хотя нет. Только руки. Почему-то они были расставлены в стороны, как делает канатоходец, удерживающий равновесие на тонкой веревке, переброшенной через глубокую пропасть. Вот теперь ему уже по-настоящему стало страшно. Он постарался пошевелить пальцами, но руки не слушались. Неожиданно пришла мысль, что сейчас это очень важно. Он повторил попытку и в кончиках пальцев наконец уловил едва заметное покалывание. В следующее мгновение человек почувствовал, что его с двух сторон крепко держат за кисти рук.

– Шепту-ун! Шепту-ун! – откуда-то издалека донесся до него слабый мальчишеский голос. Он показался ему смутно знакомым, но как ни пытался вспомнить, кому тот принадлежит, не мог. – Шепту-ун! – Уже слева от него вторил другой, на этот раз голос принадлежал девушке. В нем была тревога, смешанная пополам со страхом и отчаянием.

Человек дернулся. Завертел головой. Тело пробила крупная дрожь. В легких не хватало воздуха. Он ощутил укол чудовищной иглы в темя, пронзивший все тело до самого паха. У него вырвался глухой стон, кулаки сжались, но за болью уже накатывала пьянящая радостная легкость понимания.

– Круг! – Шептун, рванувшись что было сил, наконец вынырнул из глухого омута разбрасывая липкие ошметки окутавшей его трясины.

Он все вспомнил.

– Я здесь, – сказал он, отметив про себя, что голос прозвучал чисто, без уже давно ставшего привычным старческого клокотания в горле. – Я тут, с вами. – В подтверждении своих слов Шептун несколько раз ободряюще сжал ладони. Ответ не заставил себя ждать. Он не услышал, а скорее почувствовал радостный вздох облегчения.

– Шептун, – двойным эхом отозвались в его мозгу голоса друзей. – Наконец, ты вернулся…

«Что дальше?» – Шептун задумался. До этого ему один раз довелось принять участие в создание Большого Круга. Но тот был не чета нынешнему. Тогда собралась едва ли не дюжина сильнейших шептунов Прилесья. Готовились долго и тщательно. Подготовка к ритуалу заняла три дня. Лесу поднесли необходимые угощения, потом долго ходили, выбирая лучшее место для церемонии. Нараспев читали положенные слова…

Шептун помнил тот ледяной холод, пронзивший все его естество, когда Лес наконец откликнулся на их Зов. Они только крепче взялись за руки, чтобы, не дай Ушедшие, не разорвать Круг. Тогда это продлилось всего одно мгновение, во всяком случае, ему так показалось. Потом шептуны всю ночь сидели у костра, его жаром вытапливая, казалось, струившийся по костям холод, и каждый

рассказывал, что ему ответил Лес. У каждого было свое видение, и старики пытались их сопоставить, чтобы правильнее интерпретировать Его ответ. Шептуну сказать было нечего. Кроме холода, он ничего не почувствовал и не увидел. Все только молча покивали понимающе – мол, помог удержать Круг, и на том спасибо.

Сейчас все было по-другому. Совсем по-другому. Холод сочился медленно, словно сгущаясь вокруг него. Обладая бесконечным запасом терпения, таинственное нечто ожидало от него каких-то действий, поступков. Любых. Ему было интересно наблюдать, только и всего.

«Ну, вот и свиделись», – мысленно вырвалось у Шептуна. Он долго ждал этого момента. Тысячи раз проговаривал про себя, думал, что скажет или сделает, когда вот так с глазу на глаз встретится с Ним. Больше всего Шептун боялся испугаться, выдать свое бессилие перед поистине исполинской мощью, которой несомненно обладал Лес. Но сейчас он не испытывал ни страха, ни ненависти к Нему. Пожалуй, только интерес. Шептуна вдруг охватил настоящий озноб. По всему выходило, что интерес был взаимный.

Глаза вокруг него на мгновение замерли, а затем снова пришли в движение. Теперь в их хаотическом мерцании прослеживалась определенная закономерность, пространство вокруг начало расширяться, увеличиваясь в размерах. Впереди серое марево бледнело, словно истончаясь и расползаясь в стороны. Через мгновенье перед Шептуном образовалась узкая, почти невидимая тропинка. Это было похоже на приглашение. Лес недвусмысленно предлагал ему пройти. «Ловушка? – Шептун с сомнением покачал головой. Чтобы уничтожить всех их, Лесу необязательно устраивать такие представления. – Однако…». Он все еще колебался.

– Сит, Клео, – Шептун мысленно обратился к друзьям. – Держите меня за руки крепко. Чтобы ни произошло, не разжимайте рук!

– Да, Шептун, – донесся до него слабый голос девушки.

– Ты вернешься, Шептун? – Сит, оказывается, чувствовал ситуацию лучше Клео.

– Обязательно, Сит, – у Шептуна сжалось сердце. Если он не вернется, то и им отсюда не вырваться.

– Обещаешь?

– Да, – как можно тверже произнес старик. – Обещаю. Мы выберемся.

* * *

Первый шаг дался особенно тяжело. Тропа слегка пружинила и прогибалась под ногами, словно моховое одеяло, наброшенное поверх губительной топи. Со всех сторон, окружая его, поднимался густой непроглядный туман, холодный, почти ледяной. Впереди, где-то совсем далеко что-то блеснуло. Шептун, прищурившись, всмотрелся. Сквозь серую хмарь, царствовавшую здесь повсеместно, пробивалось тусклое оранжевое свечение, точно фонарь во мгле. Он прибавил шаг, уже не смотря под ноги, лишь стараясь не выпустить из виду эту так неожиданно появившуюся путеводную звезду. По обе стороны от ведущей его тропинки ощущалось присутствие чего-то чуждого и опасного, точно изготовившегося к смертоносному прыжку.

Из чащи, с ветвей и из-под корней за ним следили сейчас сотни и сотни пристальных, холодных, алчущих взоров. Он чувствовал их очень хорошо, ясно, отчетливо, но узреть воочию никак не удавалось. Стоило ему повернуть голову и посмотреть обычным взглядом, зеленая чаща оборачивалась клубами серого мрака. Нечто неуловимое таилось там, скользящее по самой грани вещественности, нечто настолько тонкое, неосязаемое, что даже его чутья шептуна не хватало, чтобы понять, кто или что сейчас перед ним.

В спину подул теплый ветерок, как бы подбадривая, но в тоже время и недвусмысленно понукая двигаться вперед. Хотелось оглянуться, поискать глазами оставленных им Клео и Сита. «Как они там?». Но Шептун чувствовал, этого как раз делать не следовало.

А тем временем оранжевое сияние становилось все ярче и ближе. Шептун шел быстро, молодым пружинистым шагом, с удивлением отмечая про себя, что отдышка, его неразрывная спутница последнего десятка лет, как и постоянно сидящая в пояснице тихо ноющая боль, куда-то бесследно исчезли. Висевшая над головой серая мгла понемногу сгущалась и в какой-то миг обернулась просто облаками привычными и знакомыми. Сквозь пелену туч и туманов на самом горизонте начал робко проступать контур дерева с большой раскидистой

кроной.

Шептун не сразу осознал увиденную картину. А когда понял, разом остановился. Матерь-Древо! Он, доживший до седых волос, встретив, ни мало ни много, вот уже шестой по счету Исход и представить себе не мог, что в этом мире его может что-то еще удивить. В голову сразу пришли легенды о Матерь-Древе, Дереве-Прародительнице или, как еще называли, Сердце Леса. Он никогда всерьез не воспринимал все эти истории, которые частенько звучали на привалах, когда охотники коротали время, греясь у разведенного костра. Казалось, что все эти рассказы не что иное, как аллегории, попытка людей обличить нечто непостижимое в понятный для всех образ. Сколько Шептун ни дознавался, а найти очевидца, человека, который лично своими глазами видел Матерь-Древо, так и не смог. Все ссылались на рассказы кого-то из знакомых или родственников, которым, конечно же, можно верить, как себе самому, – «Пусть заберет меня Лес, если я вру!». По всему выходило, что если и впрямь кому-то это и удалось, живым из Леса тот не возвращался. Можно было только гадать, как тогда вообще могли возникнуть такие истории. Однако Шептун в глубине души надеялся, что такое место все же существует. Не зря же и у человека, и у последней лесной твари есть сердце? Значит, и у Леса должно быть.

Шептун осмотрелся. Опасность, исходившая из серого тумана по обе стороны узкой тропы, где он стоял, никуда ни делась. Может, лишь чуть-чуть отступила в глубину. Затаилась, словно ожидая чьей-то команды. Впереди же, там где раскинулось исполинское Древо, сколько Шептун ни вглядывался, ровным счетом ничего подозрительного не видел. И тем не менее ему пришлось приложить внутреннее усилие, чтобы продолжить путь.

Показалось, что дорога займет внушительное время, но буквально с каждым шагом Матерь-Древо вырастало, поднималось перед ним во всей красе; исполинское, казалось, обнимающее ветвями все небо, пребывая разом и далеко и близко за тонкой почти не ощутимой пеленой реальности. Покрытые густой листвой ветви раскинулись от края до края горизонта, раздвигали клубящиеся щупальца сумрака. Теперь можно было рассмотреть узловатые сучья, провалы древних дупел, развилки, где свободно поместился бы родной поселок Шептуна. Но главное, от Древа мощным потоком лился Дар. Необязательно быть отверженцем, чтобы это почувствовать. Это как жар от полыхающего костра, не заметить невозможно.

Шептун даже не пытался от него закрыться. Куда там! В каждом бесплотном листе, в каждом изломе коры струилась великая мощь, не подвластная никому, дикая, неукротимая и неуязвимая, но при этом еще и ко всему равнодушная. Шептун чувствовал, как эта сила проходит сквозь него, растекаясь по телу, кружа голову и следуя дальше, не ведая преград.

Старик потряс головой, словно отгоняя наваждение. «Надо идти вперед!» – приказал он себе. В этом непонятном месте Дар был настолько силен, что мог не просто подчинить человека себе, а просто выпить его до дна, без остатка.

Не сводя взгляда с Матерь-Древа, Шептун начал отмерять шаги, двигаясь по щиколотку в сером тумане. Путеводная тропа так же неожиданно исчезла, как и появилась. Старик невольно глянул себе под ноги – на чем-то он ведь стоял, что-то его удерживало? Запоздало пришло понимание, что это все морок. На самом деле он сейчас лежал на земле, держась за руки с Клео и Ситом. Шептун только еще сильнее стиснул зубы и ускорил шаг.

«Иди вперед, Рич! – прошептал он себе. – Иди вперед, как ты умеешь, смотри только на Нее и никуда не сворачивая!»

Само Древо закрывало сейчас весь горизонт, казалось, что кроме него, тут больше вообще никого нет и никогда не было. Со всех сторон, окружая путника, поднимался густой непроглядный туман, холодный, почти ледяной. Вскоре видимой осталась лишь крона самого великого Древа, исчезающая в верхнем слое туч. Шептун шел прямо на него, не опуская глаз и почти не глядя под ноги.

Он старался сейчас вообще ни о чем не думать – ни о Лесе, ни о Сите с Клео, в одиночку держащих сейчас Круг, ни об охотниках с альваром, отбивающих в это самое время нашествие тварей. А то, что в оставленной им реальности идет бой не на жизнь, а на смерть, старик ни на мгновение не сомневался. Не заметил, как вокруг него неожиданно начало светать, а плотный поначалу туман стал распадаться на бесформенные клочья. Сквозь образовавшиеся разрывы, Шептун вдруг увидел небольшое озеро, прячущееся между исполинскими корнями Матерь-Древа. Еще дальше темнел какой-то пейзаж, с холмами и протоками меж ними.

Изрядно стоптанные сапоги Шептуна застучали по чему-то твердому. Он посмотрел вниз. К озеру вела неприметная, но чисто выметенная аккуратно

замощенная дорожка. С трудом переборов очередной приступ страха от фантасмагоричности происходящего, Шептун продолжил свой путь.

Вокруг озера зеленела трава с вкраплениями простых полевых цветов, изредка перемежаемых невысокими зарослями кустарников. Идиллия, да и только. Такой ландшафт был обычным за Быстрой Водой, где-нибудь на просторах Срединных Земель, но не здесь, в полноправных владениях Леса, где все, от старого трухлявого пня до самой свирепой твари, представляло опасность для человека.

Дорожка закончилась. Шептун осторожно раздвинул руками кустарник, сначала привычно убедившись, что на стеблях нет ядовитых колючек, и вышел к воде. Между небольшими серыми валунами журчал ручей, и Шептун не сразу заметил на одном из них фигуру сидящего к нему спиной мальчика. Угловатый подросток, костлявый, длинноногий, с острыми плечами и локтями. Абсолютно голый. Мальчик сидел с поникшей головой, чуть сгорбившись, плечи опущены, казалось, он плачет. У Шептуна вдруг екнуло сердце. Он хотел окликнуть ребенка, но слова комом застряли в горле.

«Этого не может быть!» – промелькнула в голове невозможная мысль. Разум отказывался ее принять, а сердце бешено пустилось вскачь.

Шептун на негнущихся ногах приблизился к ребенку.

– Диго… – тихо позвал он. Голос получился хриплым, сухим.

Мальчик медленно повернулся. Короткие светлые волосы, чуть вздернутый нос, на лице россыпь до боли знакомых веснушек.

– Диго! – уже во весь голос вскричал Шептун, хотел броситься к нему, но, наткнувшись на пустой, отсутствующий взгляд, остановился, словно налетел на стену.

Со стороны озера пронесся легкий ветерок.

– Диго, мальчик мой, – Шептун заставил себя приблизиться, – тебе же, наверное, холодно, – он быстро стащил с себя плащ и накинул на голые плечи паренька.

– Холодно, – вдруг бесцветным голосом произнес тот. Было непонятно, то ли это было согласие, то ли он просто повторил вслед за Шептуном.

– Давай-давай, – засуетился Шептун. – Закутывайся поплотнее.

– Закутывайся, – повторил тот снова.

– Диго, как ты здесь оказался? – Шептун был в полной растерянности. В голове роились сотни мыслей, словно жуки-древоеды в гнилом дупле. – Ты же… – он хотел сказать «погиб в Лесу», запнулся, и закончил. – Тебя же забрал Лес?!

– Забрал Лес, – все тем же невыразительным голосом произнес мальчик.

– Диго, да очнись ты! – старик подскочил к нему и принялся что есть силы трясти за острые от худобы плечи. – Это я, Шептун! Очнись! Лес тебя побери!!

Накидка сползла с плеч мальчика – его кожа на ощупь была абсолютно холодной и твердой. Как камень, на котором тот сидел. Шептун отшатнулся:

– Ты не Диго, – лицо старика скривилось, губы мелко задрожали. На него словно вылили ушат родниковой воды.

«Я, наверное, тронулся разумом, – отстраненно подумал он. – Диго было семнадцать, когда я его потерял. Этому же нет и десяти».

– Мне холодно, – вдруг плаксиво протянул лже-Диго, укутываясь обратно в плащ. – И скучно, – мальчик при этом совершенно по-детски всхлипнул.

Шептун нервно огладил свою спутанную бороду. Он совершенно не знал, что предпринять. Со всех сторон его окружал морок. Озеро, зеленеющая трава, ухоженный кустарник – все было обманом и в тоже время воспринималось, как самая что ни на есть реальность. Во все стороны простирались владения Леса, и здесь Он всевластен. Что может сделать Шептун, обычный человек, пусть и наделенный крупинкой Дара? Не был ли он с самого начала слишком самонадеян, что решился устроить Круг в самом логове Леса? Если ошибся, то это дорого обойдется не только ему, но и всем, кто доверил ему свои жизни.

Стараясь выглядеть как можно беспечнее, старик оглядел всю округу, ища какую-нибудь зацепку или подсказку. Его взгляд совершенно случайно скользнул по глади озера. Глаза Шептуна расширились. Буквально в трех шагах от берега он увидел себя. Нет, это не было простым отражением. Сейчас он стоял, а там… Там он лежал с закрытыми глазами, раскинув в стороны руки. Движимый сумасшедшей догадкой старик быстро забрался на ближайший валун и еще раз взглянул вниз.

Так и есть. Это был не плод его больного воображения. Вот он, точнее, его тело, вот Клео и Сит. Они лежали головами друг к другу, взявшись за руки, образуя Круг. Шептун медленно повернулся. Лже-Диго молча смотрел на него, не двигаясь. Лицо его походило на застывшую маску, правда, Шептуну на мгновение показалось, что в глазах мальчика промелькнуло нечто похожее на любопытство.

– Что это? – выдавил из себя Шептун. Его мысли бежали, обгоняя друг друга. Отражение? Видение? Или он уже умер, и это последнее, что он увидит, прежде чем навсегда отправиться на вечнозеленую Доминию?

Вместо ответа лже-Диго отвел глаза и молча уставился на гладь озера, куда только что смотрел старик. Шептун обернулся, чтобы проследить за направлением его взгляда.

Теперь картина изменилась. Шептуну показалось, что он воспарил высоко в небо, так как изображение резко уменьшилось, зато стало видно, что происходит на всей поляне. А на поляне в это время шел бой. Сверху было видно, как полчища крыланов атакуют его друзей. Вот Рон и Валу из последних сил сдерживают когтистых тварей, норовящих прорваться к Кругу. Валу уже ранен, но продолжает с неимоверной быстротой орудовать двумя копьями одновременно. Вот альвар бьет пикирующих существ из лука. Такой скоростной стрельбы Шептуну не доводилось видеть даже на Ритуале, где в поединках сходились лучшие воины свободных земель. Чуть поодаль, Колп Следопыт. Вошел в глубокий транс, пытаясь отвести от людей наседающих со всех сторон тварей.

Охотники пока держались. Но Шептун видел, что это только дело времени. Со всех сторон к поляне, ломая вековые деревья, как обычный кустарник, двигались стинхи. Сверху их путь хорошо заметен по широким просекам, которые оставляют за собой несокрушимые исполины. Охотники об этом еще не

знали, но совсем скоро поймут по треску ломаемых деревьев и сотрясению почвы. Но будет уже поздно. Слишком поздно.

– Останови это, – Шептун не узнал собственный голос. Он был словно чужой, спокойный и отчужденный, но вся та ярость, кипящая сейчас в его жилах, казалось, вылилась из него и материализовалась в эти два коротких слова.

Лже-Диго дернулся, как от удара, на мгновение съежился, будто только теперь почувствовал царящий здесь холод, потом медленно распрямился, и совсем по-человечески пожал плечами. Он легко соскочил с облюбованного валуна, подошел к самой кромке воды и, наклонившись, подобрал с берега небольшую гладкую гальку. Шептун не сводил с него глаз, следя за каждым движением. Мальчик несколько раз подбросил камень на ладони, будто пробуя его на вес и, коротко размахнувшись, кинул в озеро. Галька описала короткую дугу и с легким шлепком ушла под воду аккурат по центру видения. Изображение тут же подернулось рябью, а по поверхности принялись расходиться круги.

В тот же самый момент по земле прошла тяжкая медленная судорога. Озеро будто дернулось от боли, у Шептуна закружилась голова, в глазах потемнело, мир подернулся пеленой тьмы. На мгновение его вновь окружило колеблющее марево из тысяч внимательных глаз. Колени Шептуна подкосились, если бы он не успел упереться рукой о валун – упал бы точно.

Озеро рвано беспорядочно вздрагивало, словно сердце умирающего. Незримая сила заставила воду вскипеть пузырями, она яростно пенилась, огнистые брызги взлетали вверх, оседая на щеки, лицо и губы Шептуна – и он явственно ощутил привкус крови.

Земля под ногами еще раз дернулась. Ослепленный от брызг, ошеломленный увиденным Шептун так и осел наземь. Никогда доселе он не видел ничего подобного. Перебирая руками острые выступы валуна и преодолевая дурноту, Шептун кое-как поднялся. Волоча ноги, он с трудом поплелся к воде.

Судороги боли, сотрясавшие озеро, разглаживались, водная рябь потихоньку улегалась, и на ней уже начинала складываться другая картина.

* * *

Удар. Замах. Удар. Это как ритм сердца. Если оно остановится, то и жизнь прекратится. Не только твоя жизнь. Этого нельзя допустить. Замах. Удар. Поворот. Дубина кажется неподъемной. Пальцы скользят по древу, пропитанному кровью врагов. Боль от бесчисленных порезов и укусов сидит глубоко в теле, как голодный пес, готовый сорваться с цепи. Боль, конечно, выйдет на поверхность, она всегда рано или поздно приходит, но только тогда, когда он, Гунн-Терр, ей это позволит. Мир сузился до размеров усыпанной трупами поляны. Удар дубиной. Замах. Снова удар. Нельзя останавливаться. Удар. Замах. Сердце гулко гонит по венам кровь. Дуду-ду – пульсирует в висках.

Что-то сильно ударило в спину. Гунн-Терр непроизвольно сделал несколько шагов вперед, чтобы не упасть. Спину обожгла резкая боль. Пробив толстую куртку из бычьей кожи, когти твари вонзились в тело. Сбросить ее со спины никак не удавалось. Для этого необходимо хоть на мгновение опустить дубину, но крылатые порождения Леса пикировали с разных сторон, ни на секунду не давая передышки. Замах. Удар. Кувырок. Гунн-Терр перекатился через голову. Хруст костей вцепившейся в спину твари зазвучал праздничной мелодией.

По тому, как предательски задрожали ноги, когда поднимался с земли, альвар понял, что силы на пределе. Еще немного, и отяжелевшая дубина не успеет встретить очередную тварь в полете, или в ответственный момент предательски сведет судорогой руки. Тогда сонмы существ просто собьют с ног в кровавую жижу, что жадно хлюпает под сапогами, и тогда он уже не встанет. «Последний бой? – мелькнуло в голове. – Отлично. Тогда пусть Лес надолго запомнит этот день!».

До хруста стиснув зубы, альвар с удвоенной силой принялся крушить наседающего врага. Отбив в сторону еще одну, неясно какую уже по счету, тварь, планирующую внутрь Круга, Гунн-Терр привычным движением отвел в сторону окровавленную дубину для нового замаха. Дорабатывая корпусом, альвар отправил оружие навстречу новой жертве, но на этот раз деревяшка встретила пустоту. Внутрь Круга больше никто не прыгал. Ветви вздрагивали, была заметна возня на вершинах деревьев – твари еще оставались там, но расставаться с жизнью отчего-то не спешили.

Еще не веря, что все уже кончилось, Гунн-Терр опустил дубину и встретился с таким же удивленным взглядом Валу. Разгоряченный боем охотник растерянно крутил головой по сторонам, не зная, что делать дальше. Рон, пошатываясь, приблизился к только что убитому им крупному зверю. Выдернул копье из

агонизирующей туши, привычным движением вскинул оружие над головой и замер, ожидая новой атаки.

Альвар огляделся. Трупов поверженных тварей скопилось столько, что вокруг места их последней обороны образовалось подобие барьера, который серьезно замедлил нападавших. Над поляной висел тошнотворный запах сожженной плоти. Запаленные охотниками костры сделали свое дело. В них нашли свое последнее пристанище многие твари.

Гунн-Терр поискал глазами Колпа. Следопыт сидел на земле, руками сжимая за горло крылана. Тварь была давно мертва, но Колп видимо это еще не осознал.

– Ты как? – хрипло спросил его альвар. Сухое горло резало при каждом слове. Видно, он громко кричал во время схватки. А скорее рычал. – Похоже, твари нас испугались, – он кивнул головой на кроны деревьев. – Уходят.

– Испугались, – Колп, наконец, отбросил от себя мертвого крылана и, крякнув от боли, поднялся с земли. Что-то в его тоне не понравилось альвару. – Но не нас.

Гунн-Терр непонимающе взглянул на охотников. Рон опустил копье и что-то равнодушно чертил наконечником по земле. Валу, сидящий на земле, бурча себе под нос, рылся в своем заплечном мешке.

– Вот! – Здоровяк вытащил из сумки бурдюк и, протянув руку Гунн-Терру, сказал: – Помоги подняться, нога совсем не слушается.

Альвар рывком поднял Валу. Его обуяла тревога. Он не понимал, что происходит, но гордость не позволяла лезть с расспросами.

– Мой папаша умный был человек, – сказал Валу, зубами откупоривая бурдюк. – Всегда, говорил: держи вино на черный день, – Валу замолчал. Слышно было, как с бульканьем содержимое бурдюка переливается ему прямо в желудок. Наконец, с видимым усилием Валу оторвался от горлышка, отер губы рукавом и протянул бурдюк альвару. – Жаль у меня детей нет, – в голосе Валу послышалась тоска. Гунн-Терр с удивлением взглянул на него. Сейчас в Валу трудно было узнать того неунывающего весельчака и балагура, которым он всегда казался. – Ну, понятное дело, есть где-нибудь, но вот так, чтобы как мой отец мне, мудрости разные передать, такого вот нету.

Гунн-Терр молча отхлебнул жидкость, которую с большой натяжкой можно было назвать вином, но сейчас она показалась ему лучше старого Лаврейского.

– У нас проблема? – спокойно спросил он, передавая бурдюк Рону.

– Ты не слышишь? – Рон странно посмотрел на него, потом спохватился. – Прости. Я уже и позабыл, что ты рожден за Быстрой Водой. Стинхи идут сюда.

Гунн-Терр прислушался. Краем сознания он и раньше отметил этот звук, будто кто-то массивный пробирался через сухой кустарник. Но в пылу боя не обратил внимания. Сейчас же звук усилился. Альвар похолодел. Это был не кустарник – где-то вдалеке хрустели падающие деревья. Что за создания прокладывали себе дорогу сквозь непроходимую чащу?

– Надо уходить, – он думал, что слова прозвучат ровно, но голос дрогнул.

– Посмотри, – вместо ответа Рон указал рукой поверх деревьев там, где они темнеющей линией смыкались с небосклоном. Альвар не сразу, но увидел легкое дрожание крон. Сейчас он ощутил и вибрацию земли под ногами.

– Они идут со всех сторон, – Рон, наконец, сделал глоток из бурдюка. Протянул его Колпу. – Не уйти. Стинхи идут за нами. Двух мнений быть не может. Если эти твари взяли след, то не остановятся пока не убьют нас.

– Как их остановить? – Гунн-Терра не устраивала такая перспектива.

– Они не ведают страха, – Колп вяло махнул рукой. – Остановить их может только смерть.

Тем временем треск сменился уже гулом падающих деревьев. Земля под ногами заметно подрагивала. Исполины прокладывали себе путь с той же легкостью, что и нож, проходя сквозь тело. Если раньше об их приближении можно было судить по легкому дрожанию крон, то сейчас уже было хорошо видно образующиеся прямо на глазах многочисленные провалы в, как до сих пор считал альвар, непроходимой чаще. Сомнений не осталось. Огромные твари прокладывали себе путь именно сюда, к лежащим сейчас в Круге людям.

– Колп, – вдруг сказал молчащий до этого Рон, – ты можешь еще попытаться уйти…

– Набегался я уже от него, – Следопыт зло сплюнул на землю. – Хватит. Чай, не мальчик уже, – он основательно приложился к бурдюку, потом благодарно рыгнув, вернул Валу.

Опустившись на корточки перед лежащими товарищами, он что-то зашептал себе под нос и принялся поочередно отирать им со лба пот.

Альвар нахмурился.

– А если снова запалить кругом костры? – не глядя ни на кого, спросил он.

Рон только покачал головой.

– Не думал, что закончу жизнь, сражаясь в Лесу – ровным голосом сказал Гунн-Терр. Он помолчал, потом продолжил: – У нас, у альваров, есть старинная поговорка: не важно, когда ты погибнешь – в расцвете сил или на закате своих дней; не важно, где ты погибнешь – защищая свой очаг или преследуя врага; важно, кто будет стоять плечом к плечу в твой последний час, и если это будут верные друзья, можешь уходить спокойным. – Он обвел взглядом охотников: – Я рад, что в последнем бою вы будете рядом.

– Мне жаль одного, – в тон ему сказал Рон, – того, что мы мало друг друга знали.

– Это точно, Гунн-Терр, из тебя бы получился отличный забойщик тварей, – улыбнулся Валу, обводя копьем гору трупов рядом с альваром.

– А из тебя, здоровяк, отличный таран для крепостных стен.

Мужчины громко рассмеялись, заглушив на время неумолимо надвигающийся гул от раскалывающихся деревьев.

Глава 2

Кар не сразу сообразил, сколько времени не дыша смотрел на артефакт, и только когда в груди совсем стало тесно, отверженец сделал вдох. Судорожно втянул воздух, шумно выдохнул. Пока разглядывал Серую Льдинку, близняшки-воительницы исчезли, не издав при этом ни звука. Как будто и не по россыпи мелкого камня передвигались, а по воздуху. Вислоухий даже не пытался отследить, куда направились посланницы Тын-Карантына, слишком большим оказалось разочарование. Столько потратить времени и сил, а что в итоге? В итоге получил пустой артефакт. Кар зло сплюнул себе под ноги. Как только не назывался в древних фолиантах этот артефакт. И Сосудом Силы и Вместилищем Искры Богов.

– Неучи! – сквозь зубы прошипел он, – религиозные дураки! – Кар не удержался и вновь сплюнул на пыльную землю.

Однако дело приняло опасный оборот. Их миссия оказалась на грани провала. Нечего было думать о том, чтобы показаться на глаза Судье с подобной добычей. Сам по себе и пустой артефакт имел ценность, но только не сейчас, когда решалась судьба Великого Города, а возможно, и всех живущих за Быстрой Водой.

– Ты что там замер у входа? – послышался позади голос Хвата. – Жарко там. Дежурство можно нести… – он осекся, когда увидел предмет в руках повернувшегося к нему лицом отверженца. – Это… это оно? Откуда…

– Принесли только что, – буркнул Кар, усилием воли сгоняя с лица разочарованную гримасу. – Ты уверен, что хорошо понял намерения Вождя?

– Разумеется, – в голосе шефа Тайного сыска промелькнули нотки раздражения. – Я свободно говорю на языке кочевников как на родном. Способен разобраться даже в сложных речевых оборотах. А в чем проблема? – От него не смогла укрыться озабоченность Вислоухого, и Хват, ткнув пальцем в сторону Серой Льдинки, сухо спросил. – Это подделка?

– Нет… Но и толку от нее… столько же. Пощупай сам, – Кар протянул артефакт. – Сразу поймешь, в чем дело…

Осторожно приняв серый куб в обе ладони, Хват через мгновение нахмурился:

– Мы так не договаривались. Вождь всех качиконов не из тех, кто слово не держит, но…

– …но и мы с тобой не качиконы, – закончил фразу отверженец. – Обмануть чебеха не грешно. Я не уверен, что Тын-Карантын вообще способен испытывать стыд за неблаговидные поступки, но данный случай точно не станет рассматривать как сделку с совестью. Скажу больше, Хват, мы сейчас для него обуза. Зачем оставлять в живых того, кто сделал всю грязную работу? Ему проще исчезнуть навсегда, а душа несчастного отправится на Доминию, подальше от суеты этого бренного мира.

– Здесь ты неправ, и это легко можно доказать, – шеф Тайного сыска вернул артефакт отверженцу. – Кто принес сюда Серую Льдинку? Хотя… не говори ничего, я и сам уже догадался. Если бы у этих красоток был приказ убить, поверь, мы бы уже удобряли пыльную степную землю. Речь не о том, что Вождь не способен отдать такой приказ. Очень даже способен, если решит, что это на пользу. Тогда все будет проделано быстро и без всяких обходных маневров, – Хват ненадолго замолчал, словно раздумывая. – Я присутствовал при их последнем разговоре. Судья четко дал понять степняку, что знает о Серой Льдинке все. Это вполне конкретное предостережение для делового партнера, чтобы не подсовывал фальшивки. Вождь из тех, кто понимает с первого раза, иначе не сидел бы в Золоченом Седле. И если нам принесли не то, что требуется, значит, Первейший из качиконов изменил условия договора в одностороннем порядке, – Хват снова замолчал, задумчиво постукивая мысом сапога по залипшему в пыльную землю камешку. – А мы не в том положении, чтобы упрекать его за это.

– А не выйдет, как в детской дразнилке? – усмехнулся Кар. – Принеси то, принеси это, загибай пальцы на руке по очереди, а в итоге получи кукиш в награду…

– Нет, – поразмыслив немного, ответил Хват. – Пока у Вождя слишком много своих проблем. Ты сказал, что принесли не фальшивку. Насколько вещь ценная? Не в сравнении с истинной Серой Льдинкой, а вообще?

– Ценная, – Кар подбросил на ладони матовый куб. – Это… как бы объяснить… Своего рода пустой сосуд. Всего лишь – оболочка. Редкая вещь. Точнее редчайшая, – Кар бросил быстрый взгляд на Хвата, будто размышляя, продолжать или нет. Замявшись на мгновение, все же решился. – Но, то, что

нужно Судье – сосуд полный.

Они посидели некоторое время в тишине, каждый думал о своем. Наконец Хват сказал.

– То есть как я понимаю из твоих осторожных слов, – тут он позволил себе легкую усмешку, давая понять собеседнику, что от него не укрылись сомнения его визави, – наполнить сосуд умникам из Магистратуры не по силам.

– В полном сосуде кроется великая мощь, – в голосе отверженца послышалось возбуждение. – Если бы могли сами наполнять Льдинки мощью богов, все было бы совсем иначе… – Он бросил быстрый взгляд на Хвата. – До нас доходили слухи, что Анклав Мастеров тоже работает над этим вопросом. Доподлинно неизвестно, как далеко они продвинулись в своих изысканиях… – Кар неожиданно замолк, сжав кулаки так, что побелели костяшки. Потом выдохнул с неприкрытой злостью: – Эти крысы, испокон веков укрывающиеся в высоких скалах за спинами альваров, умеют хранить свои секреты.

Хват опустил глаза. Вислоухий не часто показывал свои эмоции. Тут явно скрывалось что-то личное. Шеф Тайного сыска сделал в голове пометочку – разведать по возвращении, что связывало отверженца с Анклавом Мастеров.

– Ладно, – тем временем уже более спокойным тоном продолжал Кар. Он махнул рукой, словно отгоняя свои мысли. – В общем, если принесем пустышку, Судья вряд ли обрадуется.

Какое то время соратники молчали.

– Тогда без Вождя нам задание не выполнить. Если он прислал достаточно ценную вещь, – принялся в слух рассуждать Хват, – то дал понять, что готов выполнить свою часть сделки, но не сразу, а после решения некоторых первоочередных проблем. Я это так понимаю. К вечеру двинемся в сторону Срединных Земель. Путь неблизкий, но и Тын-Карантын сейчас вряд ли сильно спешит. Как сказал бы Судья, задействован максимальный протокол безопасности. Попытки пересечься с Вождем в степи – бесполезное занятие.

– Все так, – отверженец не стал возражать, хотя и не разделял в полной мере уверенность напарника. Он молчал, напряженно размышляя над создавшейся

ситуацией. Сейчас он решал, можно ли доверить Хвату одну из самых сокровенных тайн, о которой знал очень ограниченный круг людей из самого близкого окружения Судьи и Верховного. Судья напрямую ему не говорил, но Кар догадывался, что к этой тайне не допускались даже остальные Хранители. Ни Алхимик, ни Лесничий, ни Страж. Поколебавшись, он все-таки рассудил, что без помощи Хвата осуществить задуманное не удастся. К тому же глава Тайной канцелярии был человеком, так же как и сам Кар, особо приближенным к Судье. Только задачи до сего дня они выполняли, хоть и совместные, не во всем пересекающиеся между собой. Такого негласно заключенного паритета тайные эмиссары Судьи старались всегда придерживаться.

На губах Хвата блуждала ироническая улыбка. Кар не сразу сообразил, что пока он вел сам с собой этот мысленный диалог, тот все это время внимательно рассматривал его. «Забери тебя Ушедшие!» – выругался про себя Кар. Глава Тайной канцелярии, конечно же, не обладал Даром, однако его с лихвой заменял жизненный опыт и феноменальная интуиция сыскаря.

– Прыгай, тут невысоко, – произнес Хват свою любимую присказку.

– На это большого ума не требуется, – стараясь скрыть раздражение, произнес Кар. – Оттолкнулся ногами, а дальше – будь, что будет. Не мой метод. – Вислоухий поднял взгляд на висевшую у горизонта Доминию. – В трех ночных переходах отсюда в сторону Водной Глади находится одно очень интересное местечко, – он сделал паузу, намереваясь заинтриговать Хвата, но тот только лениво отмахнулся. – Маши-маши, – сварливо протянул Кар. – Только об этом месте знает лишь Верховный, да наш Хозяин. Мое дело предупредить…

От Кара не укрылась легкая тень, промелькнувшая по лицу напарника. «Один-один», – пряча усмешку, подумал отверженец. Он все-таки сумел уесть этого умника.

– Так как ситуация кардинально изменилась, нам придется навестить покинутое святилище Ушедших Богов, – Кар с удовольствием наблюдал, как в недоумении поползли на лоб брови главы Тайной канцелярии. Тому, правда, хватило выдержки не задать глупых вопросов. – Заберем то, что требуется, тогда и отправимся в Срединные Земли. Пока суть да дело, может, какое известие и от Вождя придет.

Кар выдержал паузу, тем самым как бы давая разрешение на вопросы. Но Хват лишь молча кивнул, как делал всякий раз, когда отверженец корректировал планы, ссылаясь на полученные от Судьи указания.

– Этой ночью у меня второй дозор, – потянувшись всем телом, сказал Хват, поднимаясь с пола пещеры. – Разбудишь, когда придет время караулить, – сонно позевывая, глава Тайного сыска направился к лежанке. Устроившись поудобнее, он через несколько мгновений размеренно засопел.

«Мне бы так научиться, – с завистью подумал Кар. – Даже если и не моя была бы сейчас очередь дежурить, вряд ли сумел бы заснуть». Не простой он человек, Хват. Ой не простой. Но это и понятно. Вряд ли дураку удалось бы дослужиться до главы Тайной канцелярии. И ему всегда благоволил Судья. В который уже раз Кар почувствовал легкий укол ревности. Судья никогда не выделял кого-то из них, но отверженец так и не смог за все эти годы смириться, что у Хозяина, помимо него самого, есть еще один любимый пес.

Ему всегда хотелось, как следует покопаться у Хвата в голове. Но сыскарь был не прост. Всегда держался начеку. По мере надобности Кар иногда применял к Хвату легкое воздействие, да и то старался этим не злоупотреблять. Не ровен час – заметит, а в открытую заполучить такого врага и врагу не пожелаешь. Отверженец мысленно улыбнулся получившемуся каламбуру. Несколько раз он, подгадывая момент, подкатывал к Судье с предложением применить к Хвату Дар, так сказать, для выяснения верноподданнических настроений. Тот его всегда внимательно выслушивал, кивал, но ни разу не дал на то своего согласия.

«Ладно, оставим до лучших времен, – Кар с трудом оторвал взгляд от мирно спящего сыскаря. – Столько всего нужно сейчас обдумать».

Очень хотелось верить, что Хват правильно понял намерения Вождя кочевников. В противном случае, выходило все совсем уж нехорошо. Кар не считал себя знатоком в вопросах политики степного народа и не взялся бы предсказывать дальнейшие намерения Тын-Карантына. Если среди качиконов начнутся реальные сражения за обладание Золоченым Седлом, то собрать армию, достаточную для завоевания Великого Города, не сможет ни один из вождей. И тут правота Хвата становилась очевидной. Помочь Тын-Карантыну укрепить его власть – значит ускорить выполнение миссии. Лишь бы не закончились у Вождя амбиции после похода в Срединные Земли. В том, что захват произойдет быстро и без особого труда со стороны качиконов, Кар не сомневался.

Немногочисленное население сразу покинет свои дома при первом же слухе о приближении степной орды. Побегут в направлении Великого Города, надеясь на защиту высоких и крепких стен. Совет Хранителей едва ли обрадуется такому развитию событий. Кого-то, возможно, и примут, но большую часть беженцев завернут обратно еще на ближних рубежах. Лишние рты не нужны никому. О людях правители помнят при сборе налогов, но тут же забывают во времена бедствий.

Кар взвесил на ладони кубик энергонакопителя. Отверженцу нравился этот термин. Слово было не обычное, а как будто из другого мира. Впервые его значение растолковал старейшина в общине Скорби. Тот говорил, что эта самая энергия находится во всем – в лучах Орфиуса, в порывах ветра, в стремительно текущей горной реке, в бьющих из облаков молниях. В стародавние времена, когда Ушедшие спустились в этот Мир, они научили людей собирать энергию вот в такие кубики, но потом с Великим Уходом знания были утеряны. Многое бы Кар отдал сейчас, чтобы отыскать их. Но пока единственная надежда была на Серую Льдинку. Без нее весь план Судьи не стоил и дохлой собаки.

Стараясь не шуметь, отверженец достал Книгу Просвещения, поискал глазами, куда бы пристроиться, чтобы на страницы падало достаточно света от безучастной Доминии. Сел неподалеку от выхода из пещеры, расстелил на плоском камне тряпицу, чтобы не поцарапать переплет, и неспеша вытащил из-за голенища тонкий стилет. Кару не раз доводилось работать со старинными рукописями и манускриптами, и он хорошо знал, что действительно ценные образцы нередко имели свои секреты. Потайные секреты. Кар осторожно поддел тонким лезвием одну из трех золоченных застежек, скрепляющих кожаные переплеты. Так и есть. Застежка с легким звоном отщелкнулась, обнажив с тыльной стороны малозаметный, но острый шип. Скорее всего, за несколько столетий яд, покрывающий жало, успел разложиться, утратив свои смертельные свойства, но Кар совершенно не желал проверять это на себе. В свою бытность работы в Магистратуре Великого Города он достаточно наслушался жутких историй от убеленных сединой архивариусов.

С настоящими, не новодельными, фолиантами следует держать ухо востро. Предшественники делали все, чтобы мудрость, хранившаяся в них, не досталась непосвященным. В ход шли всевозможные ухищрения. Отравленные шипы и пропитанные ядом страницы были не единственными сюрпризами для искателей древних знаний.

По иронии судьбы, одним из этих драгоценнейших источников знаний владели полуграмотные кочевники, не представлявшие, что может почерпнуть из этого поистине бесценного фолианта образованный человек. Разумеется, в том случае, если сумеет продраться через громоздкие устаревшие обороты речи и иносказательный стиль повествования.

На сегодняшний день в хранилищах Великого Города под семью замками хранились пять копий Книги Просвещения. Точной даты их создания, как и имен писарей, установить не представлялось возможным. Высшая коллегия архивариусов склонялась к тому, что все копии созданы во времена правления Арчи Мудрого. Однако вопрос, какая именно копия была ближе к оригиналу, а какие создавались с других копий, до сих пор вызывал ожесточенные дискуссии в научных кругах.

Для составителей Книги, большинство артефактов Ушедших Богов представляло собой лишь объекты религиозного поклонения.

Кар много времени провел в частных беседах с архивариусами, исподволь касаясь этой проблемы. В Магистратуре Великого Города работали не дураки. Даже Хват, с его извечной дурацкой ухмылкой, называя их умниками, отдавал им должное. В приватных и неспешных беседах за бутылочкой Лаврейского большинство ученых мужей склонялись к тому, что буквально принимать на веру написанное в древних манускриптах не следовало.

Зачастую инструкции по применению тех или иных артефактов древние авторы считали некими ритуальными действиями и даже пытались домыслить что-то свое, всерьез думая, будто восстанавливают утраченные со временем традиции. С каждой новой копией изначальный текст искажался, порой до неузнаваемости, переписчики применяли различные формы сокращений, переставляли местами буквы, а иногда и целые слова, приводя в отчаяние тех, кто надеялся выудить из манускрипта хоть какие-то крупицы смысла.

«Надо же, – усмехнулся Кар. – Я сумел реализовать давнюю мечту Судьи. Взял в руки первоисточник. Может, стоит поискать здесь информацию об энергонакопителях? – Он тихо хмыкнул: – Мощь Богов! А что, звучит неплохо. Если Судья прав, и Серая Льдинка позволит оживить древний механизм, то их тогда ничего не остановит. – По лицу Кара блуждала безумная улыбка. Он не замечал, что в последнее время стал думать о Судье не как о своем Хозяине, а как о равноправном компаньоне.

* * *

При первом же взгляде на страницы Книги отверженец понял, что это подлинник. Он до последнего ожидал увидеть «пустышку». Через его руки прошло такое множество подделок, а некоторые были выполнены поистине мастерски. Червь сомнения грыз его с того самого момента, когда Кар впервые увидел фолиант.

Книга не была рукописной. Текст и небольшие иллюстрации, сопровождавшие каждый новый абзац, оказались выполнены методом монохромной печати. Этот термин был известен небольшой группе просвещенных, а вот сам метод, как и многое остальное, безвозвратно утерян. И лишь заглавные буквы в предложении украшались ручной росписью цветными красками. Представить, что люди, не разбиравшиеся в сути древнейших технологий, могли пользоваться книгопечатанием, было трудно. Но факт оставался фактом, и это означало, что Книга Просвещения едва ли создавалась в единственном экземпляре. Выходит, их планировалось выпустить несколько штук, и возможно где-то существуют и другие. Нужно только хорошенько поискать.

Косвенно этот вывод подтверждался простейшим умозаключением: не могли рукописные копии отдельных страниц Книги быть сделаны только с одной единственной реликвии кочевого народа. Сами качиконы этим не занимались и чебехов не спешили допускать до Книги Просвещения. Только чрезвычайные обстоятельства заставили Вождя передать реликвию на хранение чужеземцу, да и то – не первому встречному. Выбирая между качиконами и чебехами, Тын-Карантын из двух зол предпочел меньшее. Чужестранцы понимали ценность Книги и были заинтересованы в ее сохранении, а заодно и не смогли бы использовать в качестве аргумента в борьбе за власть над степными народами.

Книга Просвещения – величайшая ценность, но Кар, не задумываясь, обменял бы ее на заряженный энергонакопитель, если бы представилась подобная возможность. Обменял бы, даже не открывая старинный деревянный переплет с застежками. Знания стоили дорого, но сохранившиеся технологии Ушедших – еще дороже.

«Стоп!» – остановил он себя, внимательнее присмотревшись к переплету. Тот был гладким, совершенно не имел потертостей, кои однозначно должны были

появиться по прошествии стольких лет. «Все-таки новодел?» – мелькнула страшная мысль. Кар поднес книгу поближе к глазам. В нескольких местах он разглядел мелкие и неглубокие порезы, будто кто-то проверял переплет на прочность. В левом нижнем углу темнело пятно. «Жгли ее что-ли?»

В Вислоухом проснулся дух исследователя. «Вряд ли, – он покачал головой, ведя внутренний диалог сам с собой. – Больше похоже на следы кислоты». Кар даже понюхал переплет. По всей видимости, его предшественник или предшественники также заинтересовались этим странным материалом, стилизованным под ценную породу дерева. Похож на хорошо отшлифованный тик, растущий в высокогорьях Белых Скал. Но именно что только похож. «Ковырнуть ее стилетом?» – мелькнула было кощунственная мысль, но Кар усилием воли остановил себя. Если уж исследовать материал, то, что называется, не на коленке, а по всем правилам, в секретных катакомбах Магистратуры. Вообще хорошо бы изучить переплет под увеличителем. Ради такого случая Судья выбьет допуск к прибору у Архивариуса. Мысли бежали, обгоняя одна другую. Кар даже потряс головой. «Это все после, – усилием воли осадил он себя. – Если вообще удастся доставить реликвию под защиту стен Великого Города. Соберись, Кар!» – Биение сердце глухо отдавалось в висках, точно напоминая, как неотвратимо утекает время.

Отверженец осторожно перелистнул несколько страниц, заинтересовался миниатюрами, сопровождавшими текст. Контуры людей, строений и животных легко угадывались, но смысловое содержание сцен далеко не всегда можно было понять интуитивно. Энергонакопитель, если он где-то и изображался, то, скорее всего, слишком мелко, поскольку в центре миниатюрного рисунка всегда присутствовала фигура одного из Ушедших. От людей они отличались только размерами и величественной позой. Боги либо что-то предлагали крохотным человечкам, держа это на раскрытой ладони, либо указывали рукой вверх. Что они хотели этим сказать, понять было трудно. «Намекали на Вечнозеленые луга Доминии? А может, предлагали следовать за собой в безбрежные дали? Или куда-то в очередное светлое будущее? – Кар осторожно перевернул следующую страницу. – Вряд ли Ушедшие настолько отличались размерами от людей, – размышлял он. – Это бы сильно осложняло коммуникацию. Скорее, художник не знал другого способа передать Их величие». В отличие от человечков, они выглядели внушительно, не суетились, не спешили, как и подобает мудрым наставникам.

Отверженцу вспомнились его же собственные слова относительно разряженного куба. Стоило поискать в тексте упоминание о сосуде. Возможно, составители Книги Просвещения понимали, что собой представляет матовый кубик со скругленными гранями. Сложность состояла в том, что специальные термины, использовавшиеся древними авторами, ничего не говорили ныне живущим. Кар постоянно встречал слова, казавшиеся бессмысленным набором букв, хотя общий смысл текста уловить удавалось, благодаря упоминанию знакомых понятий. К сожалению, и пользы от такой расшифровки не прибавлялось.

Кар зевнул. Усталость брала свое. Он привычно раскрыл Дар. Тишина и покой. Песчаная почва щедро отдавала накопленное за день тепло. Но почему-то ему стало зябко.

* * *

Хват спокойно относился к тому, что лишь номинально являлся главой тайной миссии в земли кочевников, и прекрасно понимал свои обязанности. Он должен создать общие условия для выполнения задания, а основная его часть поручена Вислоухому. Будь на месте нынешнего шефа Тайной сыскной канцелярии кто-то другой, его текущее положение дел могло и не устраивать. Не каждый согласился бы добровольно поступиться властью в пользу подчиненного. Впрочем, Хват не рассматривал отверженца в качестве потенциальной угрозы. В Тайной канцелярии были сотрудники, открыто жаждавшие повышения по службе, а некоторые и не скрывали желания занять его «теплое» местечко. Бедняги.

Конкуренции со стороны недалекого ума карьеристов Хват не опасался. Прежде всего потому, что изучил истории жизни нескольких предшественников на посту руководителя Тайного сыска. Одним из них был сам нынешний Судья. По воспоминаниям тех немногих, кто застал его на прежней должности, отличался целеустремленностью, безграничным патриотизмом, кристальной честностью и безжалостностью к врагам Великого Города. Оттого и обратил на себя внимание Совета Хранителей, а позже и вошел в их число.

Согласно законам Города, главу Тайной сыскной канцелярии всегда назначал Верховный, и делал он это после того, как кандидатура, выдвинутая Судьей, получала одобрение со стороны Стража. Предполагалось, что такая процедура позволит выдвинуть на ответственный пост достойного человека с безупречной

репутацией. Как правило, кандидатов бывало несколько, и с первого раза не утверждали никого. Только после долгих обсуждений и тщательного рассмотрения биографии претендента. Формально шеф Тайного сыска подчинялся Судье, но чуть ли не официально считался «двойным агентом», поскольку мало кто верил, будто Страж позволит поставить на ключевую должность человека, на которого не сможет влиять.

Непосредственный предшественник Хвата не скрывал тесных отношений с ведомством Стража. В открытую слал туда донесения и, похоже, получал за лояльность неплохую прибавку к жалованию. Судья возмущался, считая это нарушением, но не сумел убедить Совет Хранителей в том, что на ответственной должности непозволительно подобное поведение. Даже себя в пример приводил, отстаивая точку зрения, что для шефа Тайной сыскной канцелярии недопустимо сидеть на двух стульях разом без ущерба для дела.

От неугодного человека Судья избавился изящным образом, вскоре предъявив Совету Хранителей материалы о готовящемся заговоре. Одной из его ключевых фигур считался тогдашний шеф Тайного сыска. Судья заявил, что на Стража компромат отсутствует, но стоило бы провести тщательное расследование, учитывая влияние со стороны военного ведомства на сыскную канцелярию. Страж моментально понял, чем грозят подобные намеки, принял действенное участие в следственных мероприятиях, изобличив еще нескольких заговорщиков из числа сотрудников Тайного сыска.

По завершении следствия в качестве соискателя должности шефа Судья представил только одну кандидатуру, с которой Страж согласился безоговорочно, демонстративно не поинтересовавшись именем претендента и его биографией. Верховный тоже ничего не слышал о человеке по имени Хват, но рекомендаций со стороны двух членов Совета Хранителей было достаточно для утверждения на должность.

Уже позже, набравшись жизненного опыта, Хват понял, что Судья готовил его на эту должность заранее. Может быть, даже в тот самый момент, когда выносил решение по делу молодого вора, попавшегося стражникам при облаве. Таких выросших в подворотне отбросов общества в Великом Городе было предостаточно. Родителей беспризорники обычно не знали, с малолетства занимались попрошайничеством, промышляли мелкими кражами. Те, кому удавалось повзрослеть, вливались в состав воровских шаек или даже разбойных банд, а там – как уж судьба сложится. Бесшабашные удальцы обычно

заканчивали жизнь на виселице, или с ножом в спине во время потасовки со своими, а наиболее удачливые попадали в тюрьму. Это была хорошая школа для молодых преступников, по итогам которой они перенимали опыт старшего поколения, становились умнее и расчетливее. После тюрьмы появлялся шанс прожить дольше, если хватало ума не зариться на кусок, который не сможешь проглотить.

Что-то сумел разглядеть Судья в неглупом юном воришке, увидел, насколько полезным может оказаться человек, чью биографию, при желании, можно сочинить какой угодно. Достаточно казнить всех подельников, чтобы опознать при случае не могли, дать новое имя, придумать родителей и подкупить тех, кто подтвердит, что все так и было. Появившийся в штате Тайной сыскной канцелярии новый сотрудник по имени Хват, ни у кого не вызвал подозрений. Исполнительный и расторопный молодой человек прекрасно знал повадки представителей криминального мира, в совершенстве владел воровским жаргоном. Поначалу действовал под прикрытием, изобличая связи чиновников Великого Города с преступниками, позже подключился к следственной работе.

Многие из тех, вместе с кем начинал Хват, давно уже обогнали его, поднявшись выше по ступеням карьерной лестницы. Одни считали сослуживца излишне осторожным, другие – даже глупым, не способным показать себя начальству с лучшей стороны. Хват всегда помнил о том, что единственным его начальником является Судья. Когда-то он дал понять молодому вору, что судьба благоволит терпеливым и уравновешенным людям. Возможно, потому и выбрал Судья Хвата, что излишней амбициозностью бывший преступник не страдал. Место свое знал, помнил – кому обязан жизнью и тщательно выбирал размер куска перед тем, как открыть рот.

На протяжении службы у Хвата была парочка возможностей крепко подставить Судью. Да так, что не сносить головы влиятельному Хранителю. В первом случае шеф Тайной сыскной канцелярии составил подробный доклад и передал в ведомство Судьи, тем самым предупредив заговор против него. А во втором случае предпочел скрыть результаты расследования, тайно уничтожить участников преступной организации и всех свидетелей. Не рискнул Хват рассказать Судье правду. Мог и не поверить его благодетель в столь бескорыстную преданность. Слишком много предложено было шефу Тайного сыска за предательство. У доверия тоже есть пределы. Стоит единожды возникнуть подозрению в неискренности, и это способно навсегда отравить отношения между людьми.

Иногда Хват задавался вопросом: а какой могла быть его жизнь под началом другого Судьи? Не то, чтобы возникало желание сместить с должности и уничтожить. Просто сказывалась многолетняя привычка выстраивать умозрительные варианты будущего. Это помогало формировать далеко идущие планы. Хват легко мог бы уничтожить Судью, причем на вполне законных основаниях, не прибегая к ложным свидетельствам и сфабрикованным уликам. Чтобы сделать хотя бы один шаг в этом направлении, не хватало сущего пустяка – мотивации. На простейший вопрос «зачем?» ответа не находилось. Шефа Тайного сыска устраивала его нынешняя жизнь, и она едва ли сильно изменилась бы в дальнейшем, пожелай он посадить в судейское кресло другого человека. Но зачем? Хват не претендовал на это место сам, не выискивал потенциального соперника Судьи, чтобы предложить ему услуги, а затем обогатиться.

Выдернув вора из привычной криминальной среды, Судья сделал из него слугу и союзника, но душу Хвата привязать к себе не смог. Так и не возникло у шефа Тайной сыскной канцелярии собачьей преданности хозяину и благоговения перед ним. Иногда появлялась мысль подать рапорт и уйти на покой, заняться чем-то ради себя, но Хват понимал, что обратной дороги нет. Такая должность – пожизненное бремя. И речь даже не о том, что полномочия прекратятся только в момент смерти. Если по любым другим причинам не получится служить дальше, Судья не допустит, чтобы настолько информированный о его делах человек выпал из сферы влияния. И не сбежать, и не спрятаться. Отыщут и заставят умолкнуть навеки.

Поэтому Хват решил для себя так: пока отсутствует причина что-либо серьезно менять в жизни, пускай, все продолжается по-прежнему. При необходимости, у Хвата имелись несколько заготовок выйти из игры так, чтобы выглядело все вполне естественным образом. А пока следует выполнять задание и стараться не думать о том, что решение Судьи – притащить степняков в Великий Город – безумная затея. Хват знал о возможностях Вислоухого и допускал, что проклятый отверженец может аккуратно покопаться у него в голове и не оставить после себя следов. Ну, или почти не оставить.

У Хвата была одна особенность. Ее он заметил, еще будучи подростком, ошиваясь среди нищих бродяг, среди которых встречались иногда и отверженцы. Если на юного воришку кто-то воздействовал Даром, то у него тут же начиналось несварение желудка и страшно тянуло в отхожее место. Это сейчас Хват понимал, что получил от Ушедших щедрый подарок, неизвестно за

какие заслуги доставшийся босоногому сироте. А тогда, он свою особенность всячески скрывал и стеснялся, списывая на малодушие и даже трусость. Понимание пришло после трагического случая, когда их маленькую банду заманили в засаду и всех до одного перебили. Как слепых котят.

На самом верху было принято решение о зачистке Великого Города от разного сброда. Действительно, грабили тогда нещадно, прямо среди белого дня. Могли и убить за новые сапоги. Поток торговцев из Срединных Земель сократился, казна Города недополучала солидную торговую подать. Тайной канцелярии было предписано в кратчайшие сроки решить эту проблему. Предполагалось, что мелкие воришки будут просто выдворены из Города без права возврата, а более серьезных правонарушителей ждали подземные казематы и скорый суд. Однако Тайная канцелярия не стала заморачиваться и поступила кардинально. В городе организовали ловлю на живца, были задействованы состоявшие на спецучете и получавшие казенное довольствие отверженцы. Операция проводилась по простой схеме. Закидывалась информация о богатом заезжем торговце, остановившимся в одном из постоялых домов. Роль торговца играл кто-то из отверженцев. На такую приманку, обгоняя друг друга, слетались любители легкой наживы из разных кварталов. Там их и ждали группы зачистки. Убивали всех, несмотря на возраст и пол. Потом ночью на закрытых телегах тела вывозили из города и сбрасывали в заранее выкопанные рвы.

Хвату повезло. Перед самым налетом жутко прихватило живот, и он так и просидел до утра в кустах. Сначала испражняясь, а потом трясясь от страха за свою никчемную жизнь. Да и потом, уже работая на Судью, эта пикантная особенность организма не раз оказывала ему хорошую службу. Но о таком, понятное дело, не рассказывают вслух.

Особенно тяжело пришлось во время экспериментов с Бяшкой. Понадобилось терпеть. После стольких лет службы, этого умения у Хвата было не занимать. Зато получил важный опыт. Но отверженец отверженцу рознь. Большинство действовало топорно со всей отмерянной им Доминией силой. В таких случаях кишечник Хвата работал как часы. Но были и такие виртуозы, как тот же Вислоухий, что в голову так залезут, что до последнего думать будешь, что сам осознанно принял навязанное извне решение.

Видимо, не без давления Судьи, Кар научил главу Тайной сыскной канцелярии определять, подвергался ли он малейшему воздействию Дара или нет. Проявлялось это только на следующий день в виде симптомов недомогания,

схожих с теми, что возникают после употребления выпивки сомнительного качества. Рассказывая о степени проявления симптомов, Хват сознательно занижал свой порог чувствительности. Человеку никогда не на пользу, если о нем знают все, даже если это касается людей, считающихся союзниками.

Уже во время совместного путешествия по степи выяснилось, что полностью доверять Вислоухому нельзя. Желая добиться нужного решения от начальника, отверженец нет-нет, да и использовал Дар, будучи в полной уверенности, что это осталось незамеченным. Желудок Хвата не подводил, тут же спазмами сигнализируя своему владельцу о внедрении в сознание чужой воли. Однако приходилось играть по старым правилам. Хват терпел, и только на следующий день досконально анализировал собственное поведение и с высокой долей вероятности научился распознавать, насколько было сильным произведенное Каром внушение. Пока у Вислоухого не возникала идея залезть поглубже в мозги шефа Тайного сыска. Значит, ничего подозрительного отверженец не заметил.

…Хват слышал все перемещения Кара по пещере, а когда шуршание стихло, осторожно приподнял голову. Вислоухий сидел спиной к главе Тайной сыскной канцелярии и увлеченно читал Книгу Просвещения. Перед входом в пещеру несколько мелких норных зверюшек устроили между собой драку за объедки со стола людей. Визг и рычание отчетливо слышались даже внутри пещеры, а сидевший неподалеку от входа Кар даже ухом не повел. «Хорош караульщик, нечего сказать, – усмехнулся Хват. – В этот момент мимо нас могла строем пройти армия степняков, а он и не шевельнулся бы».

Глава 3

В просторной хижине было оборудовано два спальных места – невысокие настилы из толстых жердей с уложенными поверх стеблями травы. Ложе непритязательное, но мягкое, а крыша хижины из широких толстых листьев в полтора метра длиной, хорошо защищала от дождя. Бесчисленное количество ночей, а Ник, по правде говоря, и впрямь давно сбился со счета, проведенных под открытым небом, или, в лучшем случае, в лишенной всякого удобства каменной пещере, приучили Ника ценить даже минимальный комфорт. Столом служил сплетенный из тонких прутьев неправильной формы овал, больше напоминавший примитивный щит, правда, совсем не способный выполнять

защитные функции. Рядом стояло некое подобие плетеного стула со спинкой и двумя короткими подлокотниками. Видно было, что хозяин хижины потратил на его создание не один день, но вышло изделие, откровенно говоря, совсем кривобоким.

– Присаживайся, не стесняйся, – Лео по-хозяйски подвинул плетеное кресло ногой в сторону Ника. Заметив легкое замешательство приятеля, заверил: – Выдержит.

Смешно изобразив церемониальный поклон, принятый у знати Великого Города, Лео с деланной торжественностью в голосе произнес:

– Не могу же я усадить столь дорогого гостя на перевернутую корзину из-под плодов костянки? – По лицу его скользнула странная улыбка, предназначавшаяся не Нику, а, скорее, его собственным мыслям. – Садись, не переживай. Даже если сломается – ничего страшного. Сегодняшний день проведем здесь, чтобы ты хорошенько отдохнул, а завтра направимся в деревню.

– А почему ты живешь один, а не с этими… – Ник запнулся, припоминая название племени, спасшего Лео. – Мас-сей-рас… Я правильно сказал?

– Почти, – на этот раз улыбка собеседника получилась куда искренней. – При них только не произноси по слогам и ударение не делай на последнюю гласную, а то тебя могут истолковать превратно. Решат, будто хочешь посетить женскую хижину.

– Это как? – заинтересовался Ник. – У них практикуется неравенство по половому признаку с раздельным проживанием? А кто доминирует? Мужчины или женщины?

– Глупый вопрос, – усмехнулся Лео. – Мужчины, разумеется, – он откинул крышку большой плетеной корзины, достал оттуда глиняный горшок. – Странный ты человек, Ник, – задумчиво глядя на извлеченный сосуд, протянул он. – Можно подумать, тебе встречался народ, у которого все обстоит иначе.

Ник в ответ только пожал плечами, дав понять приятелю, что считает вопрос риторическим, справедливо решив, что затевать диспут о равноправии полов в

данный момент нецелесообразно.

Мазнув по Нику цепким проницательным взглядом, так не вяжущимся с беспечным, даже простоватым тоном, Лео продолжил:

– А женской хижиной называется общий дом, где проживают женщины, не состоящие по каким-либо причинам в браке. – Поднеся горшок к носу, он шумно втянул ноздрями воздух и с еще большим энтузиазмом продолжил: – Вообще, нравы у масейрас довольно свободные. Мужчина может привести в свою хижину сколько угодно жен, если найдет достаточное количество подарков для их родственников. Те, как правило, придирчивы и готовы обобрать женишка до нитки. Поэтому, даже на вторую жену редко у кого хватает накоплений.

Немного порывшись в своем видавшим виды мешке, он вытащил из его недр грубо выструганную деревянную ложку. Внимательно осмотрев ее со всех сторон, точно ожидая от нее какого-то подвоха, Лео наконец зачерпнул из горшка густую коричневую массу, намазал на кусок серой лепешки и протянул Нику:

– Держи. Это десерт. Такого ты наверняка не пробовал, – он подбадривающе подмигнул Нику. – Уваренный до состояния сиропа сок из коры сладкого дерева. Нравится? Не торопись глотать, подержи на языке. В сок, перед выпариванием лишней влаги, травки различные добавляются. В результате – целая гамма вкусов.

– Ооо! – причмокнул языком Ник. Вкус действительно был восхитительным, чем-то похожим на земное брусничное варенье. Ник уже и не помнил, когда последний раз ел что-то подобное.

– Вкусно? – Лео еще раз подмигнул ему и принялся намазывать «варенье» на свою лепешку. – Правда, теперь до завтрашнего дня все, что ты ни съешь, будет казаться сладким. Так что смотри, что попало в рот не суй! – Откусывая здоровенный кусок, как ни в чем ни бывало закончил он.

«Черт! – выругался про себя Ник. – Что-то все-таки с этим Лео не так. Отравит еще чего доброго», – мелькнула запоздалая мысль.

– Выходит, у аборигенов многоженство ограничено не по религиозным, а чисто по практическим мотивам? – Ник решил вернуться к прерванному разговору. Ему хотелось как можно больше узнать о так неожиданно повстречавшемся на его пути много лет назад канувшем в Лесу брате Клео. Несмотря на всю его приветливость и подчеркнутое гостеприимство, Ник кожей чувствовал витающий в хижине флер настороженности и какой-то недосказанности. «Надо мне его как можно больше обо всем расспрашивать», – решил для себя Ник. Впрочем, это было несложно сделать. Лео, похоже, действительно так стосковался по родному языку, что готов был говорить без умолку. Нику же только и оставалось направлять разговор по нужной ему канве.

– И насколько же сложным является их социальное устройство?

– Приятно с тобой общаться. Я со времен Магистратуры не слышал такой изысканной речи, – Лео на мгновение замолчал, взгляд его сосредоточился на горшке с десертом, но было понятно, что перед мысленным взором лесного отшельника проносятся совсем иные картины. Ник тактично отвел взгляд в сторону. Лео неожиданно вздрогнул, словно сбрасывая сонное оцепенение, и слишком уж бодрым голосом продолжил: – У масейрас даже поговорка есть. В переводе дословно звучит «Взял третью жену», – он вдруг хохотнул. – Так говорят о человеке, обедневшем по глупости.

– Ты что-то еще говорил о женской хижине, – Ник постарался как можно искренне улыбнуться, хотя несколько неадекватное поведение сотоварища его настораживало. В конце концов, не ему судить человека, проведшего долгие годы в скитаниях по Лесу. Тут не то что странностями обзаведешься. Можно и по-тихому с ума сойти. «Не будь к нему так строг», – пристыдил он себя.

Ник с удовольствием потянулся всем телом, удовлетворенно отмечая, что мышцы начинают наливаться прежней силой. Как же все-таки хорошо вот так, после долгих мытарств, сидеть в тепле, вкусно есть и пить, при этом ежеминутно не опасаясь нападения местной фауны. А главное – как это здорово, когда у тебя есть собеседник!

– Ах да, – было заметно, что и Лео не прочь поддержать разговор. – Это своеобразная община, куда попадают те, кто ранее состоял в браке, но вынуждены жить без мужчин. По местным обычаям, женщина не может в одиночку содержать дом, ибо дух-покровитель домашнего очага слушается только мужчину. Но это всего лишь красивая легенда, – он улыбнулся, разлил по

самодельным глиняным чашкам травяной чай. – На самом деле, в мужские обязанности входит добывание огня, а это занятие требует силы и упорства. Женщине одной с этим не справиться, а сходить к соседям за горящим угольком не позволяют местные законы. Какими бы ни были умелыми охотниками мужчины-масейрас, они периодически гибнут в Лесу, а их вдовы вынужденно переселяются в женскую хижину.

– С одной стороны, это очень печально, – вздохнул Ник. – А с другой, выходит так, что общество заботится об овдовевших женщинах.

– Да, – не стал возражать собеседник. – Кроме того, у них есть шанс обрести семью. Если кому-то приглянулась вдова, то уже не придется одаривать подарками ее родственников.

– О! Это же прекрасная возможность для любителей окружить себя женщинами! – Ник, перенимая манеру Лео, подмигнул ему. – Лазейка все-таки есть! Тут и поговорка о трех женах становится неактуальной.

– О! Какой ты прыткий! – засмеялся Лео. – Но местные обычаи не так просты, как может показаться на первый взгляд. В женскую хижину попадают и после расторжения брака. Да-да, здесь и такое практикуется. Муж, по каким-либо причинам недовольный своей женой, имеет право возвратить ее родственникам и потребовать назад свадебные подарки. Если родня согласится, то женщина возвращается в дом отца или старшего брата. Но чаще всего подарки никто не отдает, и догадайся, куда отправляется бывшая жена?

– Хм-м, – Ник деланно задумался. – Подозреваю, что в женскую хижину…

– Совершенно верно. Там живут вдовы и разведенки. К последним все мужчины относятся предвзято, ибо причины расторжения брака не разглашаются. Возможно, семья распалась из-за сварливого характера женщины, или она плохая хозяйка, или вообще по женской части не очень… – Он лукаво улыбнулся: – Представь, что ты пришел в женскую общину, чтобы выбрать спутницу жизни. Просто, представь, – Лео заметил скептическую улыбку Ника. – Никто же не заставляет тебя это делать. Как, по-твоему, должно все происходить?

– Я бы, наверное… – Ник смутился. – Посмотрел бы на всех женщин… чтобы определиться…

– Разумно, – кивком головы одобрил Лео. – Да, не красней ты так. Нормальное мужское решение. Но мыслишь ты не как масейрас. Среди обитательниц женской хижины существует своего рода очередь на вступление в повторный брак. Тебе бы указали на конкретную женщину. Максимум, что сообщили бы о ней – имя и социальный статус. То есть, вдова она или разведена. Если понравилась – сразу уводи в свое жилище. Согласие женщины не требуется, она и так будет рада покинуть общину. А если не понравилась, то можешь развернуться и уйти, либо поступить согласно другому закону. Как думаешь, какому?

– Погоди-погоди… Я, кажется, догадываюсь. Если не желаешь взять жену согласно очереди, то… – Под ободряющим взглядом собеседника Ник закончил фразу: – То должен заплатить за право выбора.

– Й-о-у! – воскликнул Лео и зааплодировал. – Вижу, ты начинаешь понимать уклад жизни масейрас. Именно так все и происходит. Взнос за возможность выбрать женщину из общины будет гораздо меньше, чем подарки родственникам при заключении брака. Но воспользоваться подобной привилегией можно только единожды. Понимаешь, к чему я подвожу?

– Понимаю. Вторая жена из числа обитательниц женской хижины достанется бесплатно, но придется брать ту, на кого укажут, и ею с большой долей вероятности окажется кто-то из разведенных дам. А их здешние мужчины побаиваются.

– Все верно, – Лео торжественно поднял вверх большой палец. – Если удастся вернуться к прежней жизни, хочу написать книгу о масейрас. Материала накопилось на добрый двухтомник. – Он вдруг резко погрустнел и поник, точно из него вынули батарейку, и уже упавшим голосом закончил: – За Быстрой Водой о низкорослых обитателях Леса практически ничего не известно.

– Так что тебя держит? – Ник решил, что сейчас самое время задать Лео с самого начала мучавший его вопрос. Окинув взглядом обстановку лесной хижины, он добавил: – Или тяга к исследованиям пересилила стремление жить в привычном обществе?

– Нет, не пересилила, – покачал головой Лео и вздохнул. От Ника не укрылся немного безумный взгляд, которым Лео быстро обвел стены хижины. – Попытаюсь объяснить. Это уединенное жилище я использую, когда учусь слушать Лес. Задача, признаться, непростая. Нужно выкинуть из головы все посторонние мысли до состояния звенящей тишины. И тогда начинаешь слышать шепот. Поначалу, кажется, что сходишь с ума, и все происходящее – слуховые галлюцинации. Но это не так. Лес един во множестве живых организмов, его населяющих. Представь себе гигантский музыкальный инструмент с бесчисленным количеством струн разной длины и толщины. Каждая струна в отдельности издаст едва слышимый звук, и его не уловить человеческим ухом. Слишком узок наш диапазон восприятия. Но когда зазвучит сотня, тысяча струн, или даже большее их число, появляется мелодия. Ее только надо суметь выделить из шелеста листвы, журчания воды, скрипа древесных стволов.

– Да ты просто поэт… – Ник задумчиво принялся жевать сухой стебель травы. Психическое состояние лесного отшельника его все больше и больше удручало. – Ну, а все-таки, почему остался?

– Хочешь начистоту? – Лео испытующе посмотрел в глаза гостя. – От меня мало что зависит. Живущие в гармонии с Лесом масейрас могут ходить, куда им вздумается. А я… я почти пленник здесь. Думаешь, не пытался удрать? Первые два года не помышлял об этом. Изучал аборигенов, их язык, обычаи. Попутно выяснял свое местоположение относительно хоть каких-нибудь ориентиров, кроме Орфиуса. Изучал господствующие ветра, сравнивал с тем, что известно о воздушных потоках на изученных людьми территориях. Расспрашивал местных охотников, каким путем идти до ближайшего жилья больших людей. Так они между собой нас называют. Целый год готовился, припасов насобирал. Затем попрощался со всеми и отправился в дорогу. Еще удивлялся, чего это Говорящие-с-Лесом так загадочно улыбаются…

– Заблудился? – сочувственно спросил Ник, уже догадываясь, каким будет ответ.

– Естественно… Ходил, как позже выяснилось, кругами вокруг деревни, пока припасы не кончились. Вернулся – ни жив ни мертв. Когда немного оклемался, прямиком к Главному шаману отправился и спросил его: «Ты заранее знал, что так получится?» Он подтвердил и говорит: «Пока Лес тебя сам не отпустит, не уйдешь ты отсюда. Если упорствовать будешь, то беды не миновать».

– И после этого ты больше не пытался? – Ник представил себя на месте отшельника, внутренне содрогнулся. Не хотел бы он потратить годы на этнографические исследования. Интересно, познавательно, но если вдуматься, то кому это все нужно?

Он все-таки непроизвольно взглянул на небо. Первое время после своей аварийной посадки на этой богом забытой планете, он по сто раз на дню задирал голову, с робкой надеждой вглядываясь ввысь. Чего он ожидал? Увидеть спешащий ему на выручку шаттл с группой спасателей на борту? Ник не заметил, как скрипнул зубами. Наивный! Правда несколько раз ему и казалось, что видит на небе остатки реверсивного следа от гравидвигателей. Конечно, это была просто игра его воспаленного воображения. Как оказалось, вытянутые в тонкую струну облака на этой планете, были совсем не редкостью. Потом он запретил себе даже думать об этом.

– Пытался, – Лео невесело усмехнулся, молча закатал потрепанную штанину. На внешней поверхности левой голени багровел тройной извилистый шрам. Выглядело это результатом знакомства с чьей-то когтистой лапой.

– Наказание за то, что ослушался? – недоверчиво поинтересовался Ник, пока не понявший, куда клонит собеседник.

– Разве это наказание? Так, напоминание… Даже хромоты со временем не осталось. А наказание за строптивость и упрямство последовало через год, когда я попытался уйти в третий раз. Какая-то мелкая ядовитая тварь цапнула за шею. Я даже не понял, что произошло. В глазах потемнело, и очнулся уже в деревне масейрас. До сих пор не знаю, кто из них меня отыскал и приволок назад. Они – ребята малорослые, нести человека моего телосложения, вчетвером, наверное, пришлось. Полгода не мог говорить, даже шевелиться, нужду справлял под себя, аки младенец. Следующие полгода потихоньку восстанавливался. Вот уже после этого перестал помышлять о побеге. Говорящие-с-Лесом сказали, что мне нужно научиться слушать Лес. Тогда смогу понять, чего он от меня хочет… – он почему-то виновато взглянул на гостя. Потом, словно спохватившись? отвел глаза. – Ну, ладно! – Лео махнул рукой. – Хватит о грустном. Замучил я тебя страшными историями. Отдыхай, набирайся сил. Завтра отправимся к масейрас. Им на тебя интересно будет взглянуть. Столько времени ждали…

– Как это ждали?! – Ник внутренне напрягся. – Ты хочешь сказать, что им было известно обо мне?

– Я здесь не только учусь Лес слушать. – Лео почему-то развеселила реакция Ника. – Тебя заодно жду. – Он хмыкнул. – Никогда бы не подумал, что человек способен так глаза выпучить от удивления, – Лео смешно спародировал его, гротескно округлив глаза.

Ник продолжал все также недоверчиво смотреть на, казалось, вдруг спятившего собеседника.

– Ну, не конкретно высокородного Ника из рода Вестгейров, – прекратил смеяться Лео. – Да успокойся ты, – он опять махнул рукой. – Я о тебе раньше и не слыхивал. Говорящие-с-Лесом перед последним Исходом изрекли, что придет к Усыпальнице большой человек, что встретить его нужно, привести в деревню. Место указали, где лучше всего ждать. Вот, – Лео сделал широкий жест, – хижина эта. Три декады с ней возился, специально выстроена для твоего приема. Гордись, все по высшему разряду! – он, паясничая, поклонился Нику. – Разумеется, в рамках моих скромных возможностей. Без большого человека не велено было возвращаться, вот я и сидел тут все это время в одиночестве, слушал Лес, выгоняя из головы посторонние мысли, – его взгляд на мгновение затуманился. – Теперь ты знаешь все.

– Перед Исходом?! – Ник недоверчиво покачал головой. – Этого просто не может быть!! – он снова покачал головой. – Тогда я сам ни то что про масейрас, я и о существовании Старого Города не знал. А то что в эти края когда-нибудь наведаюсь, тем более. Впрочем… – в голову пришла мысль, после которой сразу же наступило облегчение. – Мало ли какого еще большого человека могло сюда занести? Учитывая временной интервал ожидания, сюда мог забрести кто угодно. Охотники из Прилесья, тот же Колп Следопыт, к примеру.

– Если бы ждали Колпа, то так и было бы сказано. Да и с какой целью мне его встречать? Человек, состоящий на службе у Леса, никогда не заблудится. А вот охотники сюда точно не сунутся по доброй воле. Вот и выходит, что кроме тебя, ждать мне было некого, – лицо Лео неожиданно сделалось серьезным. Посмотрев на Ника странным взглядом, он почему-то перешел на шепот: – Говорящие-с-Лесом в таких делах не ошибаются. Да и то что ты оказался в точно названном месте, это что тебе, не доказательство? – Лео непроизвольно принялся оглядываться.

Несмотря на кажущуюся идиллию, тишину и спокойствие, которые царили в этой хижине, Ник по выработанной за время скитания по Лесу привычке периодически просматривал округу. Ничего настораживающего за сегодняшний день пребывания в этом чудном месте он так и не заметил. Но то ли нервозность Лео подействовала, то ли его тихий шепот, больше похожий на шипение ползуна, но в этот самый момент Ник кожей почувствовал направленный на него взгляд. Точнее взгляды. От этого волоски на теле, словно у пса, встали дыбом, а по коже паучьими лапками пробежал озноб. Опасность! Он еле удержался, чтобы не войти в состояние спидинг-ап и не скатиться с плетеного стула на землю. Нет. Не стоит здесь никому знать об этой его способности. Даже брату Клео.

Возможно, что-то его все-таки выдало, так как Лео опять стал самим собой. Ник тряхнул головой, возвращая себя в реальность и кляня за так нежданно накативший на него приступ паранойи. «Нервы ни к черту», – мысленно резюмировал он. Тем временем собеседник, как ни в чем ни бывало, продолжал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/ru/vlasov_igor/svyatilische

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить